

Пасхальный стол

Великая суббота, вечер. В доме тихо, все прилегли перед заутреней. Я пробираюсь в зал — посмотреть, что на улице. Народу мало, несут пасхи и куличи в картонках. В зале обои розовые — от солнца, оно заходит. В комнатах — пунцовые лампадки, пасхальные: в Рождество были голубые?.. Постлали пасхальный ковер в гостиной, с пунцовыми букетами. Сняли серые чехлы с бордовых кресел. На образах веночки из розочек. В зале и в коридорах — новые красные дорожки. В столовой на окошках — крашенные яйца в корзинах, пунцовые: завтра отец будет христосоваться с народом. В передней — зеленые четверти с вином: подносить. На пуховых по-

душках, в столовой на диване, — чтобы не провалились! — лежат громадные куличи, прикрытые розовой кисейкой, — остывают. Пахнет от них сладким теплом душистым.

Тихо на улице. Со двора поехала мохнатая телега, — повезли в церковь можжевелник. Совсем темно. Вспугивает меня неожиданный шепот:

— Ты чего это не спишь, бродишь?..

Это отец. Он только что вернулся.

Я не знаю, что мне сказать: нравится мне ходить в тишине по комнатам и смотреть, и слушать, — другое все! — такое необыкновенное святое.

Иван Шмелев «Лето Господне»

С.Ю. Жуковский
ПАСХАЛЬНЫЙ
НАТЮРМОРТ. 1915

► Пасхальные открытки
Конец XIX – начало XX века:

С. Веров
ПОСКОРЕЙ ДОМОЙ
ДОБРАТЬСЯ ДА СЕСТЬ
С МИЛЫМ РАЗГОВЛЯТЬСЯ

Феофанов
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

С. Площинский
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! 1914

Пасха

7 фунтов протертого сквозь решето творогу, положить в него 8 яиц, $\frac{1}{2}$ фунта сметанного масла и бутылку густых сливок; все сие, размешав, поставить на плиту и мешать, чтоб не пригорело. И как скоро даст сыворотку и один раз вскипит, снять с огня и, остудив, положить коринки по вкусу, а потом выкладывать в форму и наложить тяжелый гнет, но не вдруг, а постепенно.

Пасха Бестужевых

12 штофов цельного молока слить в корчагу, поставить в жаркую печь на целый день, чтобы вскипятить докрасна, пенку не снимать.

Остудить до степени парного молока. Положить свежей сметаны 1 фунт и дать смеси сквашиваться целый день. Поставить в жаркую печь, чтобы отворожилась. Положить творог в мешок и дать сыворотке стечь, потом положить под гнет.

Протереть сквозь решето; взять 6 чайных ложек сахара, положить ваниль, стакан свежих сливок, чайную ложку сливочного масла, 6 желтков, все сложить в кастрюлю и подогреть, чтоб сахар распустился. Еще в творог положить соли, перемешать и в форму.

Из поваренной книги
графини Софьи Андреевны Толстой

Кулич

Пасхальные открытки

Конец XIX – начало XX века:

А. Транковский
ОКРАСКА ЯИЦ

Ф.В. Сычков
ПАСХАЛЬНОЕ УТРО
В СЕМЬЕ

6 фунтов муки, 5 стаканов молока, 1 стакан дрожжей, 10 желтков,
5 яиц, 1 фунт масла, 2–3 чашки сахара, 1 ложку соли, $\frac{1}{2}$ ложки кардамона
или шафрана $\frac{1}{2}$ золотника, 1 стакан изюма, 1 стакан миндаля, 2 яйца — смазать тесто

6 фунтов муки, 5 стаканов молока, $\frac{1}{2}$ стакана хороших дрожжей растворить, согрев предварительно молоко до теплоты парного или немного теплее. Когда растворенное тесто поднимется, замесить его, положить 10 желтков, 5 яиц цельных, масла чухонского распущенного 1 фунт, сахару 2–3 чайные чашки, соли 1 чайную ложку, кардамону мелко истолченного $\frac{1}{2}$ чайной ложки, 10 капель лимонного масла, или лот ванильных капель, или 10 капель розового масла, изюму и миндалю по одному стакану, из которых оставить часть на украшение, все вместе замесить и дать подняться; тесто должно быть довольно густо, чтобы совершенно не приставало к столу.

Когда тесто хорошо поднимется, то начать разваливать его и в то же время затопить печь. Сделав куличи, оставить их подняться в теплом месте, пока печь не будет совершенно готова; никак не нужно спешить сажать куличи, пока они не поднимутся, что бывает иногда довольно долго, так как тесто густое трудно поднимается; перед тем как сажать в печь, украсить изюмом, цельным и шинкованным миндалем, смазав разбитым яйцом с молоком. Эти куличи почти всем нравятся, тесто совершенно непохоже на булочное.

Точно таким же манером делается и кулич с шафраном, но тогда не нужно класть кардамону, а на эту пропорцию положить $\frac{1}{2}$ чайной ложки растертого в порошок шафрана, который предварительно высушить на очень теплой печи, завернуть его хорошенько в бумагу, чтобы не выдохся, и растереть с маслом. Шафрану можно прибавить и убавить по вкусу.

Из поваренной книги Елены Молоховец, 1901

Пасхальные открытки
Конец XIX – начало XX века:

И. Найдеров
КРЕСТНЫЙ ХОД
В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ

Н.В. Маторин
ПАСХАЛЬНАЯ ЗАУТРЕНЯ

Самые главные правила при печении куличей и булок

В комнате, в которой растворяют тесто, должно быть не менее 25 градусов тепла, а также лучше, чтобы печь раньше была готова, чем чтобы тесто перекипело в ожидании горячей печи, которую всегда легче остудить, чем накаливать.

Чтобы тесто не было жидко, потому что в таком случае булки в печи расплывутся и будут плоские; если же тесто слишком густо — также нехорошо: булки будут тяжелы, не вкусны и скоро почерствеют; тесто должно быть такой густоты, чтобы его можно было разрезать ножом и чтобы тесто за ножом не тянулось, чтобы при делании булок не надобно было более подсыпать муки, разве слегка смазывать руки маслом.

Тесто месить и выбивать веселочкою или руками, как можно дольше, чтобы, наконец, совершенно отставало от рук и от корытка или стола.

Мука должна быть самая сухая и просеяна.

Тесто должно подходить три раза: первый раз, когда будет растворено; второй раз, когда будет замешено, и третий раз уже на листе; ставить в печь горячую и закрыть ее заслонкою, чтобы не доходил до булок ветер.

Ставить тесто, чтобы поднималось, в теплое место, но не горячее, чтобы не доходил до теста ни холод, ни ветер; на корытко, горшок или кастрюлю, в которой растворено тесто, положить лучинки, а сверху накрыть в несколько раз сложенною салфеткою.

Если берутся дрожжи сухие, то на каждый фунт муки надо брать от 2 до 4 золотников сухих дрожжей, и в таком случае надо прибавлять молока, и именно столько, сколько назначено густых дрожжей.

Когда кулич поднимется, надо смазать верх яйцом с ложкою воды и маслом, но не бока, посыпать рубленым миндалем, крупным сахаром и сухарями. Чтобы кулич ровно поднялся, втыкают в середину лучинку, с которою и посадить в печь; через час или 1 1/2 часа, смотря по величине кулича, вынуть лучинку, если к ней тесто прилипло — знак, что кулич еще сыр, если же лучинка окажется совершенно чистая — знак, что кулич готов. Вынув из печи, положить его одним краем на решето, чтобы дно остыло.

А.А. Писемский
✦ ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
Заставка для обложки
пасхального номера
журнала «Север», 1893

Яйца крашеные

Пасхальные открытки
Конец XIX – начало XX века

Б.В. Зворыкин

▲ ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

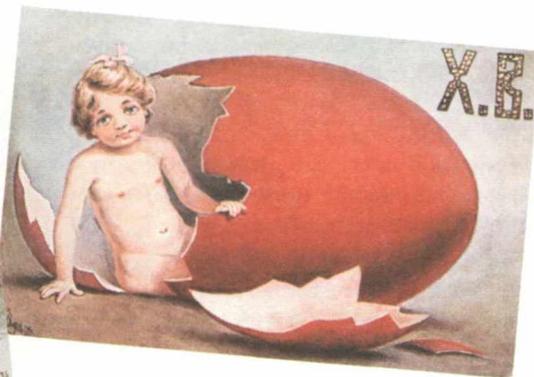
Яйца для пасхи красят разными манерами.

Красят в красную краску, а именно: в горшок средней величины всыпать $\frac{1}{4}$ фунта сандала, залить холодной водою, оставить до следующего дня, потом поставить на плиту. Когда закипит, всыпать $\frac{1}{2}$ лота квасцов, размешать, опустить яйца, подержать на краю плиты, пока яйца не окрасятся, тогда поставить на большой огонь, кипятить их минут 10, далее остудить, вынуть из окраски, вытереть ваткою, намоченной в прованском масле, потом вытереть досуха полотенцем, сложить на блюдо, на салфетку.

В одной и той же краске можно красить яиц две, три перемены.

Красят точно так же в желтую краску, причем варят яйца в шелухе от лукович или в листьях молодой березы.

Из поваренной книги Елены Молоховец, 1901

◀ Пасхальные открытки
Конец XIX – начало XX века:

З. Смурович
ПАСХА

С. Веров
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Ю.А. Кузенкова
▶ ПАСХА. 2002

*Тебе, Воскресшему, благодаренье!
Минула ночь, и новая заря
Да знаменует миру обновленья
В сердцах людей любовь горя.*

*Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славой несказанной.*

*Хвалите сонм бесплотный сил
И ангельские лики:
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.*

*Хвалите Господа с небес,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страх исчез
Светлеют наши взоры.*

*Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный!
Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадежный!*

*Хвалите Господа с небес
И славьте, человеки!
Воскрес Христос! Христос воскрес!
И смерть попрад на веки!*

К. Р. «Царь иудейский» (отрывок)
6 апреля 1912

СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ ПАСХА

Первый воскресный день после весеннего полнолуния,
в период от 4 апреля (22 марта) до 8 мая (25 апреля)

Воскресение Христово — «праздников праздник и торжество из торжеств». «Великолепнейший пир», который Господь приготовил всем, входящим под сень Его Дома...

Душа многих из нас, если не сказать почти каждого, переполнена в этот день радостью и надеждой. Надеждой на будущее бессмертие, ведь, как сказал древний философ, каждая душа по природе своей христианка.

Стар и млад стремятся попасть в пасхальную ночь в храм, «под благодатную сень». И в каждом загорается здесь искра желания стать лучше, честнее, добрей, желания подняться, даже если ты вдруг упал...

Когда в своей жизни мы совершаем какие-либо падения, буквальные или нравственные, —

вспоминаются рассказы родителей о наших первых шагах и о нашем непреодолимом желании встать и встать. Таков закон жизни.

Мы впитали его с молоком матери. Он оставлен нам предками, от рождения и до заката преодолевавшими нелегкий жизненный путь — с падениями и восстаниями. Не только своего тела, но и души. «Восстань, душа моя! Что спиши? Конец приближается», — поют в православном храме во время Великого поста, предваряющего Светлое воскресенье.

Как весенний росток, видя перед собой Христа, душа в этот светлый пасхальный день чувствует потребность тянуться вверх, к своему совершенствованию и обновлению.

Тропарь, глас 5:

*Христос воскрес из мертвых,
смертию смерть поправ
и сущим во гробех живот даровав.*

Прохор с Городца
Икона СОШЕСТВИЕ ВО АД. 1405

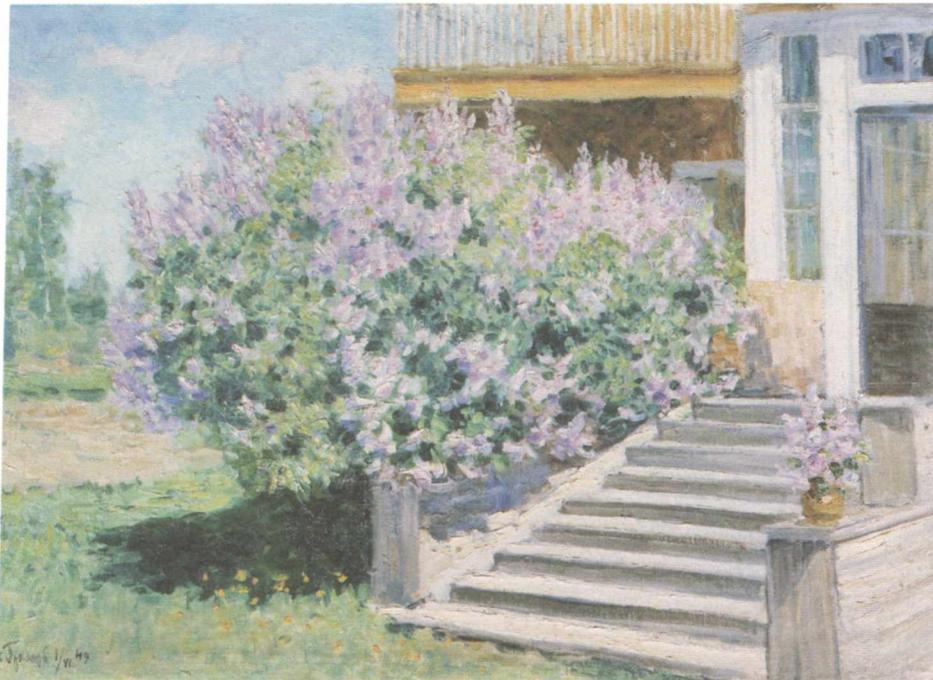
Сад во время зимы

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

В 1829 году проводил я зиму в Площанской пустыни. И поныне там, в саду, стоит уединенная деревянная келия, в которой я жил с моим товарищем. В тихую погоду, в солнечные ясные дни, выходил я на крыльцо, садился на скамейку, смотрел на обширный сад. Нагота его покрывалась снежным покрывалом; кругом все тихо, какой-то мертвый и величественный покой. Это зрелище начало мне нравиться: задумчивые взоры невольно устремлялись, приковывались к нему, как бы высматривая в нем тайну.

Однажды сидел я и глядел пристально на сад. Внезапно упала завеса с очей души моей: перед ними открылась книга природы. Это книга, данная для чтения первозданному Адаму, книга, содержащая в себе слова Духа, подобно Божествен-

ному Писанию. Какое же учение прочитал я в саду? — Учение о воскресении мертвых, учение сильное, учение с изображением действия, подобного воскресению. Если б мы не привыкли видеть оживление природы весной, то оно показалось бы и вполне чудесным, невероятным. Не удивляемся от привычки; видя чудо, уже как бы не видим его! Гляжу на заснеженные сучья деревьев, и они с убедительностью говорят мне своим таинственным языком: «Мы оживем, покроемся листьями, заблагоухаем, украсимся цветами, плодами; неужели же не оживут сухие кости человеческие во время весны своей? Они оживут, облечутся плотию; в новом виде вступят в новую жизнь и в новый мир. Как древа, не выдержавшие лютости мороза, утратившие сок жизненный, после наступления весны посекаются, вы-

И.Е. Грабарь
СИРЕНЬ У АБРАМЦЕВСКОЙ
МАСТЕРСКОЙ. 1949

К.И. Горбатов
▶ РАННЯЯ ВЕСНА.
ПСКОВ. 1922

носятся из сада для топлива, так и грешники, утратившие жизнь свою у Бога, будут собраны в последний день этого века, в начатке будущего вечного дня, и ввергнуты в огонь неугасающий.

Если б можно было найти человека, который бы не знал превращений, производимых переменами времен года, если б привести этого странника в сад, величественно покоящийся во время зимы сном смертным, показать ему обнаженные деревья и поведать о той роскоши, в которую они облекутся весной, то он вместо ответа посмотрел бы на вас и улыбнулся — такую несбыточную басню показали бы ему слова ваши! Так и воскресение мертвых кажется невероятным для муд-

рецов, блуждающих во мраке земной мудрости, не познавших, что Бог всемогущ, что многообразная премудрость Его может быть созерцаема, но не постигаема умом созданий. Богу все возможно: чудес нет для Него. Слабо помышление человека: чего мы не привыкли видеть, то представляется нам делом несбыточным, чудом невероятным. Дела Божии, на которые постоянно и уже равнодушно смотрим, — дела дивные, чудеса великие, непостижимые.

И ежегодно повторяет природа пред глазами всего человечества учение о воскресении мертвых, живописуя его преобразовательным, таинственным действием!

СВЕТЛАЯ ЗАУТРЕНА

Василий Никифоров-Волгин

Над землей догорала сегодняшняя литургийная песнь: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом».

Вечерняя земля затихала. Дома открывали стеклянные дверцы икон. Я спросил отца:

— Это для чего?

— В знак того, что на Пасху двери райские отверзаются!

До начала заутрени мы с отцом хотели выспаться, но не могли. Лежали на постели рядом, и он рассказывал, как ему мальчиком пришлось встречать Пасху в Москве.

— Московская Пасха, сынок, могучая! Кто раз повидал ее, тот до гроба поминать будет. Грохнет это в полночь первый удар колокола с Ивана Великого, так словно небо со звездами упадет на землю! А в колоколе-то, сынок, шесть тысяч пудов, и для раскачивания языка требовалось двенадцать человек! Первый удар подгоняли к бою часов на Спасской башне...

Отец приподнимается с постели и говорит о Москве с дрожью в голосе:

— Да... часы на Спасской башне... Пробьют, — и сразу же взвивается к небу ракета... а за ней пальба из старых орудий на Тайницкой башне — сто один выстрел!..

Морем стелется по Москве Иван Великий, а остальные сорок сороков вторят ему как реки в половодье! Такая, скажу тебе, сила плывет над Первопрестольной, что ты словно не ходишь, а на волнах качаешься маленькой щепкой! Могучая ночь, грому Господню подобная! Эх, сынок, не живописать словами пасхальную Москву!

Отец умолкает и закрывает глаза.

— Ты засыпаешь?

— Нет. На Москву смотрю.

— А где она у тебя?

— Перед глазами. Как живая...

— Расскажи еще что-нибудь про Пасху!

— Довелось мне встречать также Пасху в одном монастыре. Простотой да святолепностью

была она еще лучше московской! Один монастырь-то чего стоит! Кругом — лес нехоженный, тропы звериные, а у монастырских стен — речка плещется. В нее таежные деревья глядят и церковь, сбитая из крепких смолистых бревен. К Светлой заутрене собиралось сюда из окрестных деревень великое множество богомольцев. Был здесь редкостный обычай. После заутрени выходили к речке девушки со свечами, пели «Христос воскрес», кланялись в пояс речной воде, а потом — прилепляли свечи к деревянным кругляшам и по очереди пускали их по реке. Была примета: если пасхальная свеча не погаснет, то девушка замуж выйдет, а погаснет — горькой вековухой останется!

Ты вообрази только, какое там было диво! Среди ночи сотня огней плывет по воде, а тут еще колокола трезвонят, и лес шумит!

— Хватит вам вечать-то, — перебила нас мать, — высыпались бы лучше, а то будете стоять на заутрене сонными!

Мне было не до сна. Душу охватывало предчувствие чего-то необъяснимо огромного, похожего не то на Москву, не то на сотню свечей, плывущих по лесной реке. Встал с постели, ходил из угла в угол, мешал матери стряпать и поминутно ее спрашивал:

— Скоро ли в церковь?

— Не вертись, как косое веретено! — тихо вспылила она. — Ежели не терпится, то ступай, да не балуй там!

До заутрени целых два часа, а церковная ограда уже полна ребятами.

Ночь без единой звезды, без ветра и как бы страшная в своей необычности и огромности. По темной улице плыли куличи в белых платках — только они были видны, а людей как бы и нет.

В полутемной церкви около плащаницы стоит очередь охотников почитать Деяния апостолов. Я тоже присоединился. Меня спросили:

— Читать умеешь?

П. Рыженко
ПАСХА

— Умею.

— Ну, так начинай первым!

Я подошел к аналою и стал выводить по складам: «Первое убо слово сотворих о Феофиле», и никак не мог выговорить «Феофил». Растерялся, смущенно опустил голову и перестал читать. Ко мне подошли и сделали замечание:

— Куда же ты лезешь, когда читать не умеешь?

— Попробовать хотел!..

— Ты лучше куличи пробуй, — и оттеснили меня в сторону.

В церкви не стоялось. Вышел в ограду и сел на ступеньку храма.

«Где-то сейчас Пасха? — размышлял я. — Видает ли на небе или ходит за городом, в лесу, по болотным кочкам, сосновым остинкам, подснежникам, вересковыми и можжевельными тропинками, и какой она имеет образ?» Вспомнился мне

чей-то рассказ, что в ночь на Светлое Христово Воскресение спускается с неба на землю лестница и по ней сходит к нам Господь со святыми апостолами, преподобными, страсотерпцами и мучениками. Господь обходит землю, благословляет поля, леса, озера, реки, птиц, человека, зверя и все сотворенное святой Его волей, а святые поют «Христос воскрес из мертвых...» Песня святых зернами рассыпается по земле, и от этих зерен за рождаются в лесах тонкие душистые ландыши...

Время близилось к полночи. Ограда все гуще и полнее гудит говором. Из церковной сторожки кто-то вышел с фонарем.

— Идет, идет! — неистово закричали ребята, хлопая в ладоши.

— Кто идет?

— Звонарь Лександра! Сейчас грохнет!

И он грохнул...

От первого удара колокола по земле словно большое серебряное колесо покатилося, а когда прошел гуд его, покатилося другое, а за ним третье, и ночная пасхальная тьма закружилась в серебряном гудении всех городских церквей.

Меня приметил в темноте нищий Яков.

— Светловещанный звон! — сказал он и несколько раз перекрестился.

В церкви начали служить «великую полунощницу». Пели «Волною морскою». Священники в белых ризах подняли плащаницу и унесли в алтарь, где она будет лежать на престоле до праздника Вознесения. Тяжелую золотую гробницу с грохотом отодвинули в сторону, на обычное свое место, и в грохоте этом тоже было значительное, пасхальное, — словно отваливали огромный камень от Гроба Господня.

Я увидел отца с матерью. Подошел к ним и сказал:

— Никогда не буду обижать вас!

Прижался к ним и громко воскликнул:

— Весело-то как!

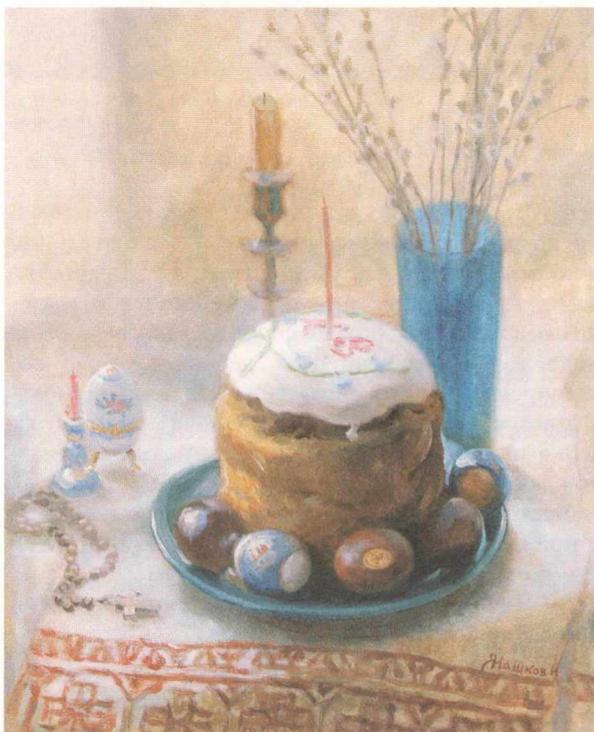
А радость пасхальная все ширилась, как Волга в половодье, про которое не раз отец рассказывал. Весенними деревьями на солнечном поветрии заколыхались высокие хоругви. Стали гото-

виться к крестному ходу вокруг церкви. Из алтаря вынесли серебряный запрестольный крест, золотое Евангелие, огромный круглый хлеб — артос, заулыбались поднятые иконы, и у всех зажглись красные пасхальные свечи.

Наступила тишина. Она была прозрачной и такой легкой, если дунуть на нее, то заколеблется паутинкой. И среди этой тишины запели: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси». И под эту воскреляющую песню заструился огнями крестный ход. Мне наступили на ногу, капнули воском на голову, но я почти ничего не почувствовал и подумал: «Так полагается». Пасха! Пасха Господня! — бегали по душе солнечные зайчики. Тесно прижавшись друг к другу, ночными потемками, по струям воскресной песни, осыпаемые трезвоном и обогреваемые огоньками свечей, мы пошли вокруг белозорной от сотни огней церкви и остановились в ожидании у крепко закрытых дверей. Смолкли колокола. Сердце затаилось. Лицо запыхало жаром. Земля куда-то исчезла — стоишь не на ней, а как бы на синих небесах. А люди? Где они? Все превратилось в ликующие пасхальные свечи!

И вот, то огромное, чего охватить не мог вначале, — свершилось! Запели «Христос воскрес из мертвых».

Три раза пропели «Христос воскрес», и перед нами распахнулись высокие двери. Мы вошли в воскресший храм, — и перед глазами, в сиянии паникадил, больших и малых лампад, в блесках серебра, золота и драгоценных камней на иконах, в ярких бумажных цветах на куличах, — вспыхнула Пасха Господня! Священник, окутанный кадильным дымом, с заяснившимся лицом,

И.Г. Машков

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК ПАСХИ. 2005

Н.П. Богданов-Бельский

▶ В ЦЕРКВИ

светло и громко воскликнул: «Христос воскресе», и народ ответил ему грохотом спадающего с высоты тяжелого льдистого снега: «Воистину воскресе».

Рядом очутился Гришка. Я взял его за руки и сказал:

— Завтра я подарю тебе красное яйцо! Самое наилучшее! Христос воскресе!

Неподалеку стоял и Федька. Ему тоже пообещал красное яйцо. Увидел дворника Давыда, пошел к нему и сказал:

— Никогда не буду называть тебя «подметалой-мучеником». Христос воскресе!

А по церкви молниями летали слова пасхального канона. Что ни слово, то искорка веселого быстрого огня:

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир видимый же

и невидимый. Христос бо возста, веселие вечное...»

Сердце мое зашло от радости, — около амвона увидел девочку с белокурыми косами, которую приметил на выносе плащаницы! Сам не свой подошел к ней, и, весь зардевшись, опустив глаза, я прошептал:

— Христос воскресе!

Она смутилась, уронила из рук свечечку, тихим пламенем потянулась ко мне, и мы похристосовались... а потом до того застыдились, что долго стояли с опущенными головами.

А в это время с амвона гремело пасхальное слово Иоанна Златоуста:

«Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества... Воскресе Христос и жизнь жительствует!»

На Святой

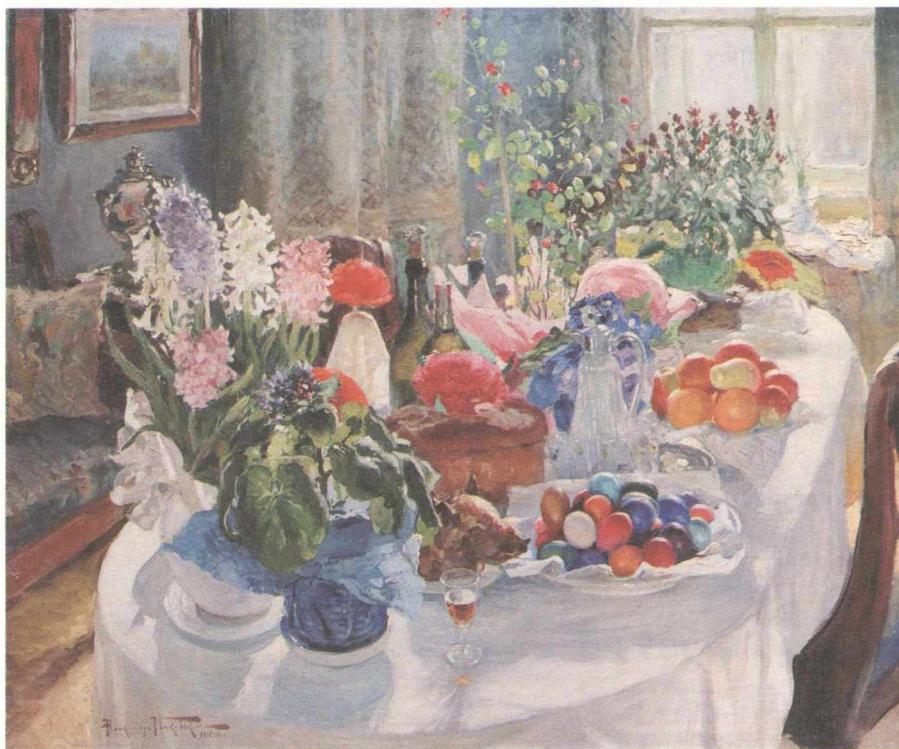
Иван Шмелев. Отрывок из книги «Лето Господне»

— **В**от погоди, касатик, придет Святая, мы с тобой в Кремль поедем, покажу тебе все святыньки... и гвоздь Господень, и все соборы наши издревни, и Царя-колокола покажу, и потрезвоним, поликуем тогда с тобой... — сколько раз обещался Горкин, — маленько подрастешь, тебе и понятней будет. Вот на Святой и ходим.

Я подрос, теперь уж не младенец, а отроча, поговел-исправился, как большие, и вот — Святая.

Я просыпаюсь, радостный, меня ослепляет блеском, и в этом блеске — веселый звон. Сразу я не могу понять, отчего такой блеск и звон. Будто еще во сне — звонкие золотые яблочки, как в волшебном саду, из сказки. Открываю опять глаза — и вдруг

вспоминаю: да это Пасха!.. Яркое утро, солнце, пасхальный звон!.. Розовый накомодник, вышитый белыми цветами... — его только на Пасху стелят! — яркие розы на иконе... Пасха!.. — и меня заливают радостью. На столике у постели — пасхальные подарки. Серебряное портмоне-яичко на золотой цепочке, а внутри радостное пунцовое, и светится золотой и серебрецо, — подарил мне вчера отец. Еще — большое сахарное яйцо, с золотыми большими буквами — Х. и В., а за стеклышком в золотом овале, за цветами бессмертника, над мохом, — радостная картинка Христова Воскресения. И еще — золотисто-хрустальное яичко, граненое все, чудесное! Если в него смотреть, светится все, как в солнце, —

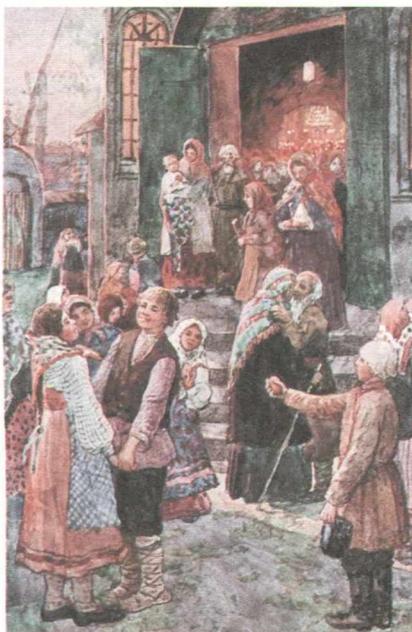

А.В. Маковский
ПАСХАЛЬНЫЙ
СТОЛ. 1915–1916

► ЯЙЦО АЖУРНОЕ
Фирма К.Г. Фаберже

Пасхальные открытки
Конец XIX – начало
XX века:

Ф.В. Сычков
В ЦЕРКВИ НА ПАСХУ

Ф.В. Сычков
ПРАЗДНИК ПАСХИ
В ДЕРЕВНЕ

веселое все, пасхальное. Смотрю через яичко, — ну до чего чудесно! Вижу окошечки, много солнц, много воздушных шариков, вместо одного, купленного на Вербе... множество веток тополя, много иконок и лампадок, комодиков, яичек, мелких, как зернышки, как драже. Отнимаю яичко, вижу: живая комната, красный шар, приклеившийся к потолку, на комодике пасхальные яички, все вчера нахристосовал на дворе у плотников, — зеленые, красные, луковые, лиловые... А вон — жестяная птичка в золотисто-зеленых перышках, — «водяной соловей, самопоющий»; если дуть через воду в трубочку, он начинает чвокать и трепетать. Пасха!.. — будет еще шесть дней, и сейчас будем разговляться, как и вчера, будет кулич и пасха... и еще долго будем, каждое утро будем, еще шесть дней... и будет солнце, и звон-трезвон, особенно радостный, пасхальный, и красные яички, и запах пасхи... а сегодня поедem в Кремль, будем смотреть соборы, всякие святости... и будет еще хорошее. Что же еще-то будет?

Еще на Страстной выставили рамы, и потому в комнатах так светло. За окнами перезвон веселый, ликует Пасха. Трезвонят у Казанской, у Ивана Воина, дальше где-то... — тоненький такой звон. Теперь уж по всей Москве, всех пускают звонить на колокольни, такой обычай — в Пасху поликовать. Василь Василич все вчера руки

отмотал, звонивши, к вечеру ослабел, свалился. А что же еще, хорошее?..

За окнами распустился тополь, особенный — духовой. Остренькие его листочки еще не раскрутились, текут от клея, желтенькие еще, чуть в зелень; к носу приложишь — липнут. Если смотреть на солнце — совсем сквозные, как пленочки. Кажется мне, что это и есть масляная ветка, которую принес голубь праведному Ною в Священной истории, всемирный потоп когда. И Горкину тоже кажется: масляная она такая и пахнет священно, ладанцем.

Прабабушка Устинья потому и велела под окнами посадить, для радости. Только отворишь окна, когда еще первые листочки или после дождя особенно, прямо — от духу задохнешься, такая радость. А если облупишь зубами прутик — пахнет живым арбузом. Что же еще... хорошее?.. Да, музыканты придут сегодня, никогда еще не видал: какие-то «остатки», от графа Мамонова, какие-то «крепостные музыканты», в высоких шляпах с перышком соколиным, по старинной моде, — теперь уж не ходят так. На Рождестве были музыканты, но те простые, которые собирают на винцо; а эти — царю известны, их поместили в богадельню, и они старенькие совсем, только на Пасху выползают, когда тепло. А играют такую музыку-старину, какой уж никто не помнит.

Пасхальные радости

Я рассматриваю надаренные мне яички. Вот хрустальное-золотое, через него — все волшебное. Вот — с растягивающимся жирным червячком: у него черная головка, черные глазки-бусинки и язычок из алого суконца. С солдатиками, с уточками, резное-костяное... И вот фарфоровое — отца. Чудесная панорамка в нем... За розовыми и голубыми цветочками бессмертника и мохом, за стеклышком в золотом ободке видится в глубине картинка: белоснежный Христос с хоругвью воскрес из Гроба. Рассказывала мне няня, что, если смотреть за стеклышко долго-долго, увидишь живого ангелочка. Усталый от строгих дней, от ярких огней и звонов, я вглядываюсь за стеклышко. Мреет в моих глазах, и чудится мне в цветах, — живое, неизъяснимо-радостное, святое... — Бог?..

Иван Шмелев «Лето Господне»

▲ ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА

Пасхальные игры

Для катания яиц изготавливались деревянные лоточки с невысокими бортиками. Игроки по очереди пускали крашенные яйца по лотку. Выигрывал тот, чье яйцо скатывалось дальше. Если яйцо одного игрока задевало уже находящиеся внизу яйца, то они доставались удачливому игроку.

Широко был распространен обычай «биться» пасхальными яйцами. Двое играющих брали в правые руки по крашеному яйцу и ударяли ими одно о другое. Выигрывал тот, чье яйцо не разбивалось.

Пасхи не бывало без качелей. Едва ли не в каждом доме устраивали качели для детей, а в традиционном месте загода возводились общественные качели.

Н.А. Кошелев

▲ ДЕТИ, КАТАЮЩИЕ ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА. 1855 (?)

Открытки. Конец XIX –
начало XX века

Милославин
ОТ ЗАУТРЕНИ

Николаев
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос воскрес!

*Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит.
Заря глядит уже с небес...
Христос воскрес! Христос воскрес!*

*С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленеет ближний лес...
Христос воскрес! Христос воскрес!*

*Вот просыпается земля,
И одеваются поля,
Весна идет, полна чудес!..
Христос воскрес! Христос воскрес!*

Аполлон Майков
1913

► Ф.А. Горецкий
ХРИСТОСОВАНИЕ. 1850

Красная горка

Первое воскресенье после Пасхи

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Красная горка на Руси составляет первый весенний праздник. Великоруссы здесь встречают весну, венчают суженых, разыгрывают хороводы. Малоруссы отправляют свои веснянки, ходят с песнями по улицам.

Поселяне Тульской губернии на Красную горку закликают весну с хороводными песнями. При

восхождении солнца они выходят на холм или пригорок под предводительством хороводницы. Обращаясь на восток, хороводница, проговорив молитву, входит в круг с круглым хлебом в одной руке и с красным яйцом в другой и начинает песню:

*Весна красна!
На чем пришла?
На чем приехала?
На сошечке,
На бороночке и прочее.*

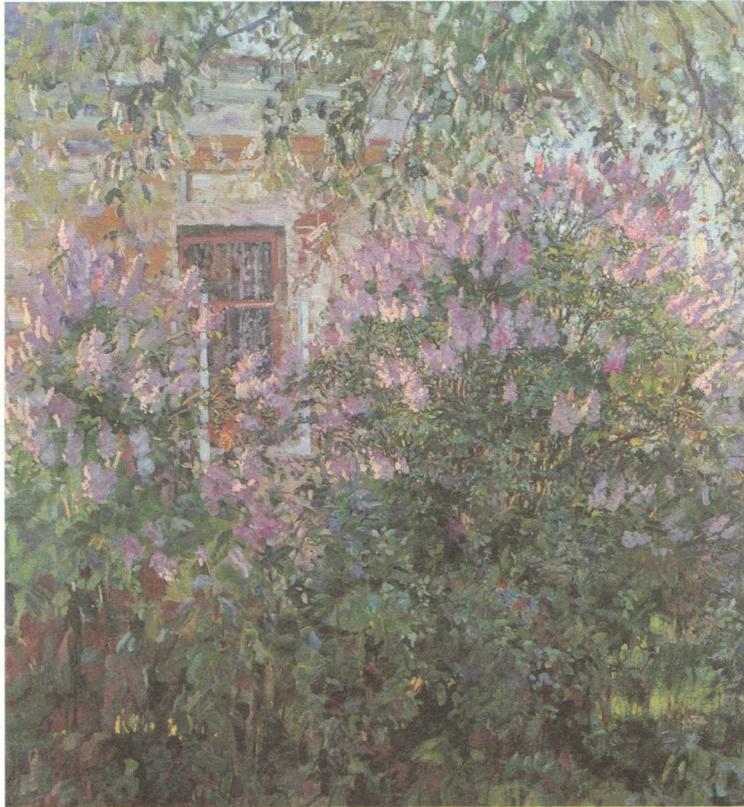
В Калужской губернии поселяне зазывают весну также с песнями. Соломенное чучело, укрепленное на длинном шесте, ставится на горке; кругом его собираются женщины и мужчины. После песен садятся вокруг горки, угощают друг друга яичницами. Вечером сжигают чучело

М.Г. Абакумов
РАЙ ЗЕМНОЙ. 1993

► Открытки
Конец XIX — начало XX века:

З. Смурович
С ПРАЗДНИКОМ!

Ф.В. Сычков
НА КАЧЕЛЯХ В ПРАЗДНИК

► Открытки
Конец XIX — начало XX века:

Ф.В. Сычков
ПЛЯСКА

А. Третьяков
У ИЗБЫ

с песнями и плясками. В степных селениях встречают весну с одними песнями, без всяких обрядов.

В Вязьме выходят невесты и женихи в праздничных нарядах погулять на Красную горку. Здесь невесты выглядывают своих женихов. <...>

На Красную горку начинается и поминовение родителей. В Спаске-Рязанском девицы и женщины в «жаленом» (траурном) платье выходят на кладбище поклониться своим родителям. Сначала, по обыкновению, плачут на могилах с разными причитаниями о жите-бытье покойников, потом принимаются раскладывать по

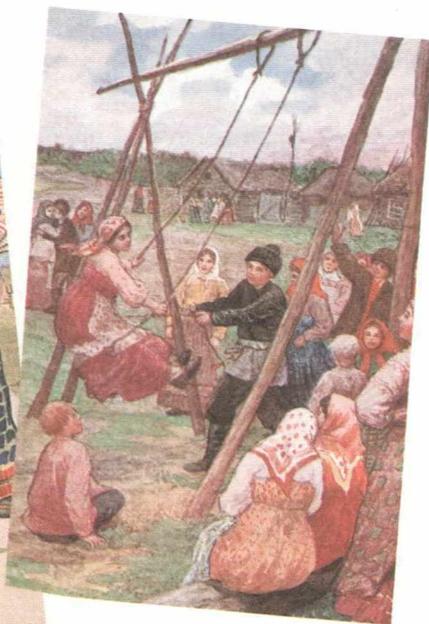
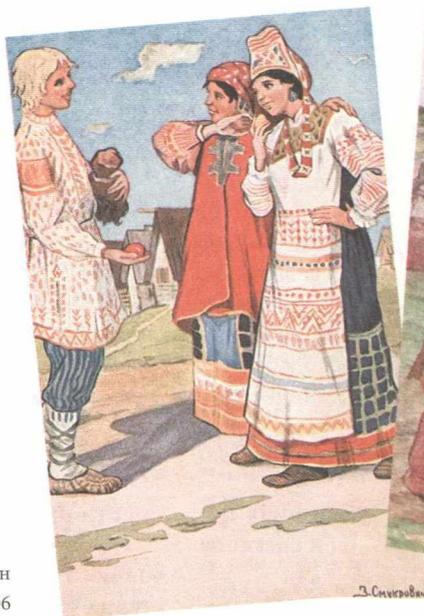
могилам кушанья и напитки. <...> С кладбищ отправляются в праздничных платьях разыгрывать Красную горку в хороводах.

На Красную горку начинают играть в горелки, сеять просо, плести плетень...

Две радуги

*Две радуги — и золотистый, редкий
Весенний дождь. На западе вот-вот
Блеснут лучи. На самой верхней ветке
Садов, густых от майских непогод,
На мрачном фоне тучи озаренной
Чернеет точкой птица. Все свежей
Свет радуг фиолетово-зеленый
И сладкий запах ржей.*

Иван Бунин
1903—1906

Радуница

Василий Никифоров-Волгин

Посвящаю Толичке ф. Штубендорф

Бсть такие дни в году, когда на время воскресают мертвые. К таким дням принадлежит и Радуница. Она всегда во вторник на второй неделе по Пасхе. В Радуницу живые ходят на кладбище христосоваться с погребенными. В этот день грех думать о смерти, ибо все мы воскреснем. Накануне или рано утром в церквях служат заупокойную утреню. Она не огорчает, а радует. Все время поют «Христос воскресе» и вместо «надгробного рыдания» раздается пасхальное «Аще и во гроб снизшел еси Безсмертне».

Заупокойную литургию называют «обрадованной». В церковь приносят на поминальный стол пасхальные яйца, куличи и кутью. Все это по окончании панихиды уносится на кладбище, рассыпается по могильным холмикам для разговен усопших. Радуница — пасха мертвых!

Хорошее слово «Радуница». Так и видишь его в образе красного яйца, лежащего в зеленых стебельках овса, в корзинке из ивовых прутьев.

И до чего это чудесны наши русские слова! Если долго вслушиваться в них и повторять раздельно и со смыслом одно только слово, и уже все видишь и слышишь, что заключено в нем. Как будто бы и короткое оно, но попробуй, вслушайся... Вот, например, слово «ручеек». Если повторять его часто-часто и вслух, то сразу и услышишь: ручеек журчит между камешками!

Или другое слово — «зной». Зачнешь долго тянуть букву «з», то так и зазвонит этот зной наподобие тех мух, которых только и слышишь в полуденную ржаную пору.

Произнес я слово — «вьюга», и в ушах так и завывало это зимнее, лесное: ввв-и-ю...

Сказал как-то при мне своим басом дворник Давыд — гром, и я сразу услышал громовой раскат за лесною синью.

В день Радуницы много перебрал всяких слов и подумал с восторженным, впервые охватившим меня чувством: «Хорошо быть русским!»

Мы пошли на кладбище. Каждая травинка, каждый распутившийся листок на деревьях и кустах и все живое вместе с мертвым было освеще-

но солнцем. Везде служили панихиды. С разных сторон обширного старинного кладбища долетали голоса песнопений:

«Со духи праведных скончавшихся».

«Воскресение День просветимся, людие».

«Смертию смерть поправ...»

«Вечная память...»

На многих могилах совершались «поминки». Пили водку и закусывали пирогами. Говорили о покойниках как о живых людях, ушедших на новые жительные места.

Остановливаясь у родных могил, трижды крестились и произносили:

— Христос воскресе!

Хоть и говорили кругом о смертном, но это не пугало.

— Жизнь бесконечная... Все мы воскреснем... Все встретимся... — доносились до меня слова священника, утешавшего после панихиды богатую купчиху Задонскую, недавно похоронившую единственного сына.

Между могил с визгом бегали ребята, играя в палочку-воровочку. На них шикали и внушали «нехорошо», а они задумаются немножко и опять за свое.

Батюшка Знаменской церкви отец Константин, проходя с кадилом мимо ребят, улыбнулся и сказал своему дьякону:

— Ишь они, бессмертники!..

— Да шумят уж очень... Нехорошо это... на кладбище..

— Пусть шумят... — опять сказал батюшка, — смерти празднуем умерщвление!..

На ступеньках усыпальницы, похожей на часовню, сидел сухощавый и как бы щетинистый старик и говорил сердитым голосом, без передышек и заминок, окружавшим его людям:

— Поминальные дни суть: третины, девятины, сорочины, полугодины, години, родительские субботы и вселенские панихиды...

— Это мы знаем, — сказал кто-то из толпы.

МОСКВА. КЛАДБИЩЕ
ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ
Открытие. Конец XIX —
начало XX века

*Не забывайте тех,
кто во дни своего
существования
не забывал Вас
ни одной минутки...*

— Знать-то вы знаете, а что к чему относится, мало кто ведает. Почему по смерти человека три дня бывает поминаение его? Не знаете. Потому, чтобы дать душе умершего облегчение в скорби, кою она чувствует по разлучении с телом.

В течение двух дней душа вместе с ангелами ходит по земле, по родным местам, около родных и близких своих и бывает подобна птице, неумошней гнезда себе, а на третий возносится к Богу.

— А в девятый? — спросила баба.

— В этот день ангелы показывают душе различные обители святых и красоту рая. И душа люто страдает, что не восхотела она на земле добрыми делами уготовить себе жилище праведных...

В это время пьяный мастеровой в зеленой фуражке и с сивой бородою с тоскою спросил старика:

— А как же пьяницы? Какова их планида?

— Пьяницы Царствия Божия не наследуют! — отрезал старик, и он мне сразу не понравился. Все стало в нем ненавистно, даже усы его, щетинистые и злые. Мне захотелось высунуть язык старику, сказать ему «старый хрен», но в это время заплакал пьяный мастеровой:

— Недостойные мы люди... — всхлипывал он, — мазурики! И за нас-то, мазуриков и сквернавцев, Господь плакал в саду Гефсиманском и на Крест пошел вместе с разбойниками!..

Мне захотелось подойти к пьяному и сказать ему словами матери: «Слезы да покаяние двери райские отверзают...»

Старик посмотрел прищуренным вороньим глазом на скорбящего пьяницу, облокотившегося на чей-то деревянный крест, и сказал как пристав:

— Не нарушай общественной тишины! Не мешай людям слушать... греховодник!.. В течение тридцати дней душа водится по разным затворам ада, а засим возносится опять к Богу и получает место до Страшного суда Божия...

«И почему такие хорошие, святые слова старик выговаривает сухим и злым языком? — думал я. — Вот мать моя по-другому скажет, легко, и каждое ее слово светиться будет... Выходит, что и слова-то надо произносить умеючи... чтобы они драгоценным камнем стали...»

Мимо меня прошли две старухи. Одна из них, в ковровом платке поверх салопы, говорила:

— Живет, матушка, в одной стране... птица... и она так поет, что, слушая ее, от всех болезней можно поправиться... Вот бы послушать!..

Время приближалось к сумеркам, и Радунница затихала. Все реже и реже слышались голоса песнопений, но как хорошо было слушать их в эти, еще не угасшие пасхальные сумерки:

— Христос воскрес из мертвых...

ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ

Иван Шмелев. Отрывок из книги «Лето Господне»

Редко это бывает, что прилетают на Пасху ласточки. А в этом году Пасха случилась поздняя, захватила Егорьев день, и накануне его, во вторник, к нам прилетели ласточки. К нам-то во двор не прилетели, негде им прилепиться, нет у нас высоты, а только слышал Антипушка на зорьке верезг. Говорят, не обманет ласточка, знает Егорьев день. И правда: пришел от обедни Горкин и говорит: у Казанской на колокольне возятся, пошла работа. А скворцы вот не прилетели почему-то, пустые торчат скворешни. А кругом по дворам шумят и шумят скворцы. Горкину неприятно, обидели нас скворцы, — с чего бы это? Всегда он с опаской дожидался, как прилетать скворцам, загодя говорил ребятам чистить скворешницы: будут у нас сквор-

цы — все будет хорошо. «А как не прилетят?..» — спросишь его, бывало, а он молчит. Антипушка вздыхает — скворцов-то нет: говорит все: «Вот и пустота». Отец, за делами, о пустяках не думает, и то удивился — справился: что-то нонче скворцов не слышно? Да вот, не прилетели. И запустели скворешницы. Не помнил Горкин: давно так не пустовали, на три скворешни все хоть в одной да торчат, а тут — как вымело. Я ему говорю: «А ты купи скворцов и посади в домики, они и будут». — «Нет, — говорит, — насильно не годится, сами должны водиться, а так делу не можешь». Какому делу? Да вот, скворцам. После уж я узнал, почему к нам скворцы не прилетели: чуяли пустоту. Поверье это. А может, и вправду

Н.П. Богданов-Бельский
ПАСТУШОК

*Пусти росу на всю весну,
И густую, и частую,
И теплую, и мокрую,
И на весь свет,
И на каждый цвет.*

М.В. Нестеров
ВЕСНА. 1923

чуяли. Собаки чуют. Наш Бушуй еще с Пасхи стал подвывать, только ему развиться не давали: только начнет, а его из ведра водой: «Да замолчи ты!..» А скоро и ведра перестал бояться, все ночи подвывал.

Под Егорьев день к нам во двор зашел парень, в лаптях, в белой вышитой рубахе, в синих портах, в кафтане внакидку и в поярковой шляпе с петушьим перышком. Оказалось — пастухов работник, что против нас, только что из деревни, какой-то «зубцовский», дальний, откуда приходят пастухи. Пришел от хозяина сказать, — завтра, мол, коров погонят, пустите ли коровку в стадо. Марьюшка дала ему пару яиц, а назавтра пообещала молошной яишницей накормить, только за коровкой бы приглядел. Повела показать корову. Чего-то пошептались, а потом я видел, как она понесла корове какое-то печенье. Спрашиваю, чего это ей дает, а она чего-то затаилась, секрет у ней. После Горкин мне рассказал, что она коровке «креста» давала, в благословенье, в Крещение еще спекла, — печеного «креста», — так уж от старины ведется, чтобы с телком была.

Накануне Егорьева дня Горкин наказывал мне не проспать, как на травку коров погонят, — «покажет себя пастух наш». Как покажет? А вот, говорит, узнаешь. Да чего узнаю? Так и не сказал.

И вот, в самый Егорьев день, на зорьке, еще до солнышка, впервые в своей жизни, радостно я услышал, как хорошо заиграл рожок. Это пастух, который живет напротив, — не деревенский простой пастух, а городской, богатый, собственный дом какой, — вышел на мостовую перед домом и заиграл. У него четверо пастухов-подручных, они и коров гоняют, а он только играет для почину, в Егорьев день. И все по улице выходят смотреть-слушать, как старик хорошо играет. В это утро играл он «в последний раз», — сам так и объявил. Это уж после он объявил, как поиграл. Спрашивали его, почему так — впоследствии. «Да так... — говорит, — будя, наигрался...» Невесело так сказал. Сказал уж после, как случилась история...

И все хвалили старого пастуха, так все и говорили: «Вот какой приверженный человек... любит свое дело, хоть и богат стал, и гордый... а делу уступает». Тогда я всего не понял.

В то памятное утро смотрел и я в открытое окно залы, прямо с теплой постели, в одеяльце, подрагивая от холодка зари.

Улица была залита розоватым светом вставшего за домами солнца, поблескивали лишь верхние окошки. Вот открылись дикие ворота пастухова двора, и старый, седой пастух-хозяин, в новой синей поддевке, в помазанных дегтем сапогах и в высокой шляпе, похожей на цилиндр, что надевают щеголи шафера на свадьбах, вышел на середину еще пустынной улицы, поставил у ног на камушки свою шляпу, покрепился на небо за нашим домом, приложил обеими руками длинный рожок к губам, надул толстые розовые щеки, — и я вздрогнул от первых звуков: рожок заиграл так громко, что даже в ушах задрезжало. Но это было только сначала так. А потом заиграл тоньше, разливался и замирал. Потом стал забирать все выше, жалчей, жалчей... — и вдруг заиграл веселое... и мне стало раздольно-весело, даже и холодка не слышал. Замычали вдаль коровы, стали подбираться помаленьку. А пастух все стоял-играл. Он играл, запрокинув голову, играл в небо за нашим домом, словно забыв про все, что было вокруг него. Когда обрывалась песня и пастух переводил дыхание, слышались голоса на улице:

— Вот это ма-стер!.. — вот доказал-то себя Пахочка!.. Мастер... И откуда в нем духу столько!..

Мне казалось, что пастух тоже это слышит и понимает, как его слушают, и это ему приятно. Вот тут-то и случилась история.

С пастухова двора вышел вчерашний парень, который заходил к нам, в шляпе с петушиным перышком, остановился за стариком и слушал. Я на него залюбовался. Красив был старый пастух, высокий, статный. А этот был повыше, стройный и молодой, и было в нем что-то смелое, и будто он слушает старика прищурясь, — что-то усмешливое-лихое. Так по его лицу казалось. Когда кончил играть старик, молодец поднял ему шляпу.

— А теперь, хозяин, дай поиграю я... — сказал он, неторопливо вытаскивая из пазухи небольшой рожок, — послушай твои коровки, поприучаются.

— Ну, поиграй, Ваня, — сказал старик, — послушай твою песню.

Проходили коровы, еще гуще, гуще. Старый пастух помахал подручным, чтобы занимались своим делом, а парень подумал что-то над своей дудочкой, тряхнул головой — и начал.

Рожок его был негромкий, мягкий. Играл он жалобное, разливное, — не старикову, другую песню, такую жалостную, что щемило сердце. Приятно,

сладостно было слушать, — так бы вот все и слушал. А когда доиграл рожок, доплакался до того, что дальше плакаться сил не стало, — вдруг перешел на такую лихую-плясовую, пошел так дробить и перебирать, ерзать и перехватывать, что и сам певун в лапотках заплясал, и старик заиграл плечами, и Гришка, стоявший на мостовой с метелкой, пустился выделывать ногами. И пошла плясать улица и ухатъ, пошло такое... — этого и сказать нельзя. Смотревшая из окошка Маша свалила на улицу горшок с геранью, так ее раззадорило, — все смеялась. А певун выплясывал лихо в лапотках, под дудку, и упала с его плеча сермяга. Тут и произошла история...

Старый пастух хлопнул по спине парня и крикнул на всем народе:

— И откуда у тебя, подлеца, такая душа-сила! Шабаш, больше играть не буду, играй один!

И разбил свой рожок об мостовую.

Так это всем понравилось!.. Старик Ратников расцеловал и парня, и старика, и пошли все гурьбой в Митриев трактир — угощать певуна водочкой и чайком.

Долго потом об этом говорили. Рассказывали, что разные господа приезжали в наше Замоскворечье на своих лошадях, в колясках даже, — послушать, как играет чудесный «зубовец» на свирели.

После Горкин мне пересказывал песенку, какую играл старый пастух, и я запомнил ту песенку. Это веселая песенка, ее и певун играл, бойчей только. Вот она.

*...Пастух выйдет на лужок.
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет –
Выговаривает:
Выгоняйте вы скотинку
На зелену луговинку!
Гонят девки, гонят бабы,
Гонят малые ребята,
Гонят стары старики,
Мироеды-мужики,
Гонят старые старушки.
Мироедовы женушки,
Гонит Филя, гонит Пим,
Гонит дяденька Яфим,
Гонит бабка, гонит дед,
А у их и кошки нет,
Ни копыта, ни рога,
На двоих одна нога!..*

День памяти великомученика Георгия Победоносца — в народе «Егорьев день».

Икона
СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ
ПОБЕДНОСЕЦ

Ну все-то, все-то гонят... — и Марюшка наша проводила со двора свяченой вербой нашу красавицу. И Ратниковы погнали, и Лощенов, и от рынка бредут коровы, и с Житной, и от Крымка, и от Серпуховки, и с Якиманки, — со всей замоскворецкой округи нашей. Так от старины еще повелось, когда была совсем деревенская Москва. И тогда был Егорьев день, и теперь еще... — будет и до кончины века. Горкин мне сказывал:

— Москва этот день особо празднует: святой Егорий сторожит щитом и копием Москву нашу... потому на Москве и писан.

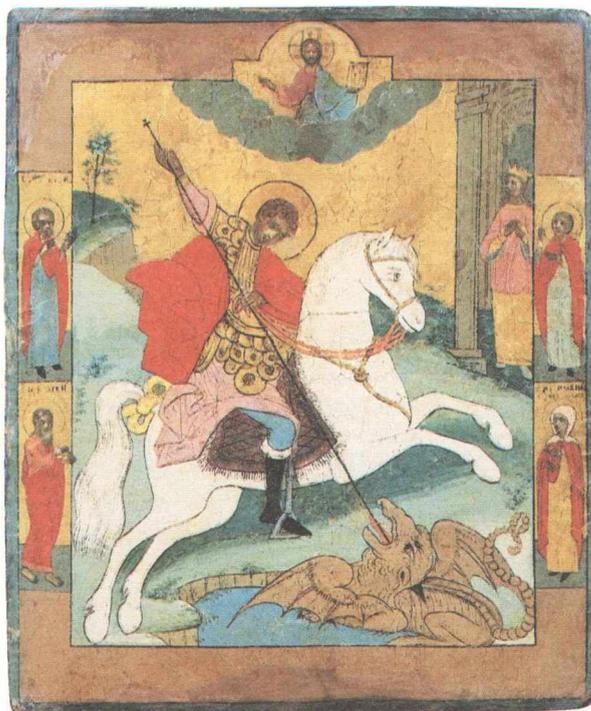
— Как, на Москве писан?..

— А ты пятак погляди, чего в сердечке у нашего орла-то? Москва писана, на гербу: сам святой Егорий... наш, стало быть, московский. С Москвы во всю Россею пошел, вот откуда Егорьев день. Ему по всем селам-деревням празднуют. Только вот господа обижаться стали... на коровок.

— Почему обижаться на коровок?..

— Таки капризные. Бумагу подавали самому генерал-губернатору князю Долгорукову... воспретить гонять по Москве коров. В «Ведомостях» читали, скорняк читал. Как это, говорят, можно... Москва — и такое безобразие! Чего про нас англичаны скажут! Коровы у них, скажут, по Кузнецкому мосту разгуливают и плюхают. И забодать, вишь, могут. Ну, чтобы воспретить. А наш князь Долгоруков самый русский, любит старины, и написал на их бумаге: «По Кузнецкому у меня и не такая еще скотина шляется», — и не воспретил. И все хвалили, что за коровок вступился.

Скоро опять зашел к нам во двор тот молодой пастух — насчет коровки поговорить. Горкин чаем его поил в мастерской, мы и поговорили по душам. Оказалось — сирота он, тверской, с мальчишек все в пастухах. Горкин не знал его песенку, он нам слова и насказал. Играть не играл, не ко времени было, он только утром играл, коровкам, а голосом напел, и еще приходил попеть. Ему наша Маша нравилась, потом узналось. Он и захаживал. И она прибегала слушать. С Денисом у ней наладилось, а свадьбу отложили, когда с отцом случилось, в самую Радуни-

цу. И Горкин не знал, чего это Ваня все заходит к нам посидеть, — думал, что для духовной беседы он. А он тихий такой, как дите, только высокий и силач, — совсем как Федя-бараночник, душевный, кроткий совсем, и ему Горкин от Писания говорил, про святых мучеников. Вот он и напел нам песенку, я ее и запомнил. Откуда она? — я и в книжках потом не видел. Маленькая она совсем, а на рожке играть — длинная:

Эх, и гнулое ты деревцо круши-нушка-а-а...
Куды клонишься — там и сломишься-а-а...
Эх, и жись моя ты — горькая кручи-нушка-а-а...
Где поклонисься — там и сло-нишься-а-а...

И мало слов, а так-то жалостливо поется.

Пришел Егорий, и весне не ўйтти.

Егорьев день

6 мая (23 апреля)

Иван Сахаров. Из книги «Сказания русского народа»

Наблюдательные поселяне говорят: «Егорий с теплом, а Никола с кормом. — Сей рассаду до Егорья, будет щей вдоволь. — Коли на Егорьев день мороз, то и под кустом овес. — Коли на Егорьев день лист в полушку, на Ильин день клади хлеб в кладушку. — Пришел бы на Егорий мороз, а то будет просо и овес. — Коли весенний Егорий с кормом,

то Никола осенний будет с мостом. — Выгоняй скот на Юрьеву росу. — Егорий с водой, а Никола с травой. — На Руси два Егорья, холодный да голодный, а везде Божья благодать. — Что у волка в зубах, то Егорий дал. — Он сыт, как Юрьева гора, — говорят нерехонцы про богатого мужика. — Святой Юрий коров запасает, а Никола коней, — говорят белорусы. — Егорий с полувозом, а Никола с целым возом». В Чухломском и Холмогорском уездах говорят: «В поле стадо сгонять и Егорья окликать».

В день святого Георгия выгоняют скот на траву вербою, оставленной от Вербной недели. Рано утром служат молебны на студенцах, реках или лугах от всего мира и после благословения от священника провожают всю деревню скотину в поле. Здесь угощают пастухов сытной мирской яичницею, наделяют холстом и деньгами. На этом празднике пастухов веселятся все поселяне.

В Тульской губернии выходят на засеянные поля служить молебны с водоосвящением, окропляют нивы святой водой. После сего мужчины и женщины катаются по полям в надежде быть сильными и здоровыми, как Юрьева роса. В Курске на Юрьев день бывает ярмарка, где продают деревянные, глиняные коровки. В Муромском уезде бывали прежде крестные ходы вокруг па-

Г.Г. Мясоедов
ПАСТУШОК

В.Н. Телин
ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ. 2005

шен; а в других местах вокруг сел и всех полей. В Малоруссии 23 апреля бывает крестный ход на жито. Вятчане, в память их предков, хлыновцев, одержавших победу над чужью и вотяками, на Юрьев день из села Волкова приносили в Вятку образ святого Георгия вместе с железными стрелами.

На Юрьев день начинаются сельские гулянья. В Шенкурске и Вельском округе разыгрываются вечерние хороводы. В Солигаличе и Буе выходят поселяне ночью петь песни, которые всегда оканчиваются припевами о сохранении стад. Смоленские жители выходят в город освежаться на горах и гуляют до поздней зари.

Наш народ сохранил древнее сказание о Георгии Храбром — искоренителе басурманства и поборнике светлой Руси. <...>

В Кологривском уезде сохранилось Егорьевское окликанье:

*Мы вокруг поля ходили,
Егория окликали,
Макаря величали.
Егорий ты наш Храбрый...
Ты спаси нашу скотинку
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым под месяцем,
Под красным солнышком,
От волка от хищного,
От медведя лютотого,
От зверя лукавого.*

Отдание Пасхи

Василий Никифоров-Волгин

Р течение сорока дней в церкви поют «Христос воскрес».

— В канун Вознесения, — толковал мне Яков, — плащаницу, что лежала на престоле с самой Светлой заутрени, положат в гробницу, и будет покоиться она в гробовой сени до следующего Велика дня... Одним словом, прощайся, Васенька, с Пасхой!

Я очень огорчился и спросил Якова:

— Почему это все хорошее так скоро кончается?

— Пока еще не все кончилось! Разве тебе мать не сказывала, что еще раз можно услышать Пасхальную заутреню... на днях!

Меня бросило в жар.

— Пасхальная заутреня? На днях? Да может ли это быть, когда черемуха цветет? Врешь ты, Яков!

— Ничего не вру! День этот по-церковному называется «Отдание Пасхи», а по-народному — прощание с Пасхой!

Когда я рассказал об этом Гришке, Котьке и дворнику Давыдке, то они стали смеяться надо мною.

— Ну и болван же ты, — сказал дворник, — что ни слово у тебя, то на пяточок убытку! Постыдился бы; собаки краснеют от твоих глупостей!

Мне это было не по сердцу, и я обозвал Давыдку таким словом, что он сразу же пожаловался моему отцу.

Меня драли за вихры, но я утешал себя тем, что пострадал за правду, и вспомнил пословицу «За правду и тюрьма сладка!»

А мать выговаривала мне:

— Не произноси, сынок, черных слов! Никогда! От этих слов темным станешь, как эфиоп, и ангел твой, что за тобою ходит, навсегда покинет тебя!

И обратилась к отцу:

— Наказание для ребят наша улица: казенка, две пивных да трактир! Переехать бы нам отсюда,

где травы побольше да садов... Нехорошо, что в город мы перебрались! Жили бы себе в деревне...

Перед самым Вознесением я пошел в церковь. Последнюю Пасхальную заутреню служили рано утром, в белых ризах, с пасхальной свечою, но в церкви почти никого не было. Никто не знает в городе, что есть такой день, когда Церковь прощается с Пасхой.

Все было так же, как в Пасхальную заутреню ночью, — только свет был утренний да куличей и шума не было, и когда батюшка возгласил народу: «Христос воскрес», не раздалось этого веселого грохота: «Воистину воскрес!»

В последний раз пели «Пасха священная нам днесь показася».

После Пасхальной литургии из алтаря вынесли святую плащаницу, положили ее в золотую гробницу и накрыли стеклянной крышкой.

И почему-то стало мне тяжело дышать, точно так же, как это было на похоронах братца моего Иванушки.

Я стал считать по пальцам, сколько месяцев осталось до другой Пасхи, но не мог сосчитать... очень и очень много месяцев!

После службы я провожал Якова до ночлежного дома, и он дорогою говорил мне:

— Доживем ли до следующей Пасхи? Ты-то, милый, в счет не идешь! Доскачешь! А вот я — не знаю. Пасха! — улыбнулся он горько. — Только вот из-за нее не хочется помирать!.. И скажу тебе, если бы не было на земле Пасхи, почернел бы человек от горя! Нужна Пасха человеку!

Мы дошли до ночлежного дома. Сели на скамью. Около нас очутились посадские, нищербодная братия, босяки, пьяницы и, может быть, воры и губители. Среди них была и женщина в тряпье, с лиловатым лицом и дрожащими руками.

— В древние времена, — рассказывал Яков, — после обедни в Великую субботу никто не расходился по домам, а оставались в храме до Светлой заутрени, слушая чтение Деяний апостолов...

Когда я был в Сибири, то видел, как около церкви разводили костры в память холодной ночи, проведенной Христом при дворе Пилата...

Тоже вот; когда все выходят с крестным ходом из церкви во время Светлой заутрени, то святые угодники спускаются со своих икон и христосуются друг с другом.

Женщина с лиловым лицом хрипло рассмеялась. Яков посмотрел на нее и заботливо сказал:

— Смех твой — это слезы твои!

Женщина подумала над словами, вникла в них и заплакала.

Во время беседы пришел бывший псаломщик Семиградский, которого купцы вытаскивали из ночлежки читать за три рубля в церкви паремии и Апостола по большим праздникам и про которого говорили: страшный голос.

Выслушав Якова, он откашлялся и захотел говорить:

— Да, мало что знаем мы про свою Церковь, — начал он, — а называемся православными!.. Ну, скажите мне, здесь сидящие, как называется большой круглый хлеб, который лежит у Царских врат на аналое в Пасхальную седмицу?

— Артос! — почти одновременно ответили мы с Яковом.

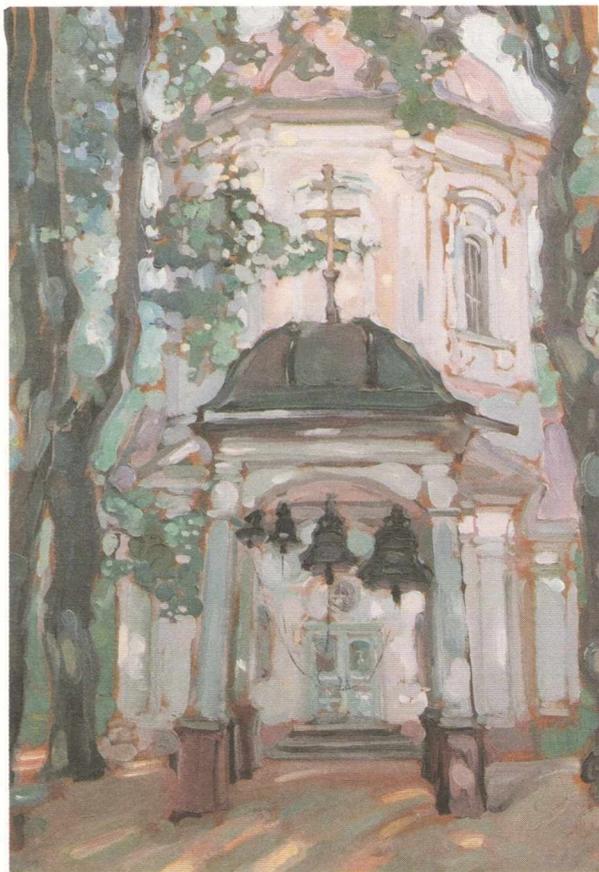
— Правильно! Называется он еще также «прсфора всецеляя». А каково обозначение? Не знаете! В апостольские времена во время трапезы на столе ставили прибор для Христа, в знак невидимого Его сотрапезования...

— А когда в церкви будут выдавать артос? — спросила женщина и почему-то застыдилась.

— Эка хватилась! — с тихим упреком посмотрел на нее Яков. — Артос выдавали в субботу на Светлой неделе... К Вознесению, матушка, подошли, а ты — артос!

— Ты мне дай крошинку, ежели имеешь, — попросила она, — я хранить ее буду!

Семиградский разговорился и был рад, что его слушают.

— Вот поют за всенощным бдением «Свете тихий...» А как произошла эта песня, никто не знает...

Я смотрел на него и размышлял: «Почему люди так презирают пьяниц? Среди них много хороших и умных!»

— Однажды патриарх Софроний, — рассказывал Семиградский, словно читая по книге, — стоял на Иерусалимской горе. Взгляд его упал на потухающее палестинское солнце. Он представил, как с этой горы смотрел Христос, и такой же свет, подумал он, падал на лицо Его, и также колебался золотой воздух Палестины...

Вещественное солнце напомнило патриарху незаходимое Солнце — Христа, и это так растрогало патриарха, что он запел в святом вдохновении:

— Свете тихий, святые славы...

«Обязательно с ним подружусь!» — решил я, широко смотря на Семиградского.

В этот день я всем приятелям своим рассказывал, как патриарх Софроний, глядя на заходящее палестинское солнце, пел: «Свете тихий, святые славы».

Вознесение Господне

Сороковой день после Пасхи

Внакомая по иконам и живописным полотнам картина: поднимающийся над землею, над собравшимися учениками Господь Иисус Христос. Сорок дней Он, воскресший, был среди людей и опять удаляется, скрываясь за облаками... Но Христос успокоил оставшихся на земле, пообещав, что скоро ниспошлет миру Святого Духа — Третье Лицо Святой Троицы.

Вознесением завершилось земное служение вочеловечившегося Бога Сына. Победив смерть, Он совершил и большее — в Своем Лице вознес человеческую природу к престолу Бога Отца, в горние оби-

тели, подготовив этим человека к принятию Святого Духа.

Этот праздник напоминает людям о приоритете духа над телом, идеального над материальным, возвышенного над низким. А также о том, что Господь всегда рядом с тем, кто Его любит или хочет учиться любить.

Оказывается, этому тоже нужно учиться. Недаром об этом просит поэт К. Р.: «Научи, меня, Боже, любить, всем умом Тебя, всем помышленьем...»

Вознесение совершается на сороковой день после праздника Святой Пасхи, поэтому всегда приходится на четверг.

Тропарь, глас 4:

*Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш,
радость сотворивый учеником
обетованием Святаго Духа,
извещенным им бывшим благословением,
яко Ты еси Сын Божий,
Избавитель мира.*

Андрей Рублев
ВОЗНЕСЕНИЕ. 1408

Замоскворечье в праздник

Александр Островский. Из «Записок замоскворецкого жителя»

Когда у нас за Москвой-рекой праздник, так уж это сейчас видно. И откуда бы ты ни пришел, человек, сейчас узнаешь, что у нас праздник. Во-первых, потому узнаешь, что услышишь густой и непрерывный звон во всем Замоскворечье. Во-вторых, потому узнаешь, что по всему Замоскворечью пахнет пирогами*.

Но я, благодаря удобному случаю, опишу праздничный день с начала до конца по порядку. У нас праздник начинается с четырех часов утра: в четыре часа все порядочные люди, восстав от сна, идут к обедне. Посетители ранних обеден здесь резко отличаются от посетителей поздних. Первые большею частью солидные люди: купцы, пожилые чиновники, старухи купчихи и простой

народ. Вообще все старшие в семействе ходят к ранней обедне. И здесь вы не увидите ни разноцветных нарядов, ни карикатурного подражания высшему обществу, а напротив того — истинная и смиренная набожность равняет все звания и даже физиономии. Тут нет для почетных лиц почетных мест, где кто стал, там и молится. Вот пришел купец, миллионщик, лицо почетное, помолился, ему все кланяются; вот входит его последний работник, которому задний двор всегдашнее пребывание, — пришел, поклонился три раза, встряхнул кудри и стал кланяться на все стороны, и ему все кланяются. И как торжественно в тишине и полусвете ранней обедни текут от алтаря громкие возгласы вечной истины.

Ф.Я. Алексеев
МОСКВОРЕЦКАЯ
УЛИЦА

И.М. Прянишников
ЦЕРКОВНЫЙ
СТАРОСТА. 1885

* Здесь надобно заметить, что нигде нет таких больших и громогласных колоколов, как у нас за Москвой-рекой, и нигде в другом месте не пекут таких пирогов, запах которых распространяется по целому кварталу. С этой стороны похоже на Замоскворечье только Таганка.

Примечание автора

Но вот отходит обедня, народ выходит из церкви, начинаются поздравления, собираются в кучки, толки о том о сем, и житейская суета начинается. От обедни все идут домой чай пить, и пьют часов до девяти. Потом купцы едут в город тоже чай пить, а чиновники идут в суды приводить в порядок сработанное в неделю. Дельная часть Замоскворечья отправилась в город: Замоскворечье принимает другой вид. Начинаются приготовления к поздней обедне: франты идут в цирюльни завиваться или мучаются перед зеркалом, повязывая галстук; дамы рядятся. Что это у нас за франты за Москвой-рекой, как одеваются; вот уж можно сказать, что со вкусом. У нас никогда по моде не одеваются, это даже считается неблагопристойным. Мода — постоянный, неистощимый предмет насмешек, а солидные люди при виде человека, одетого в современный костюм, покачивают головой с улыбкой сожаления; это значит: человек потерянный. Будь лучше пьяница, да не одевайся по моде. Не только у нас за Москвой-рекой, да и в остальной-то части Москвы не все понимают, что мода есть тот же прогресс, хотя чисто фактический, бесознательный, а все-таки прогресс. А попробуйте убедить в этом, так вас сочтут за вольнодумца и безбожника. А у нас за Москвой-рекой понятия

о моде совершенно враждебные. У нас говорят: «С чего это вы взяли, чтобы я стал себя уродовать, — галия черт знает где; что я за паяц, чтобы стал подражать моде. Надо уметь одеться к лицу, что кому пристало». И одеваются к лицу. В костюмы своего изобретения. Например, зеленый плащ и белая фуражка без козырька или узенький фрак, до бесконечности широкие шаровары и соломенная шляпа. И с какой торжественной улыбкой, с каким гордым взглядом ходит по Замоскворечью человек, одетый к лицу; тогда как в душе человека, который надевает модный фрак или сертук, совершается драма; он раз пять подходит к зеркалу поглядеть, не смешон ли он; если идет ку-

На Вознесенье пекут пироги
с зеленым луком.

да, то крадется сторонкой, точно контрабандист; а взгляните на него попристальней, так он переконфузится до смерти. Но об моде когда-нибудь в другой раз, а теперь о празднике. Но виноват, позвольте, надобно что-нибудь сказать о дамских нарядах. Вы увидите часто купца в костюме времен Грозного и рядом с ним супругу его, одетую по последней парижской картинке.

Впрочем, этого нельзя сказать обо всех, и есть великолепные исключения. Некоторые дамы имеют обыкновение изменять модным костюмам, прибавляя что-нибудь своего изобретения. Это обыкновенно так делается: приезжают в магазин, выбирают себе шляпку, чепчик или мантилию, по нескольку раз примеривают, разглядывают со всех сторон и говорят, что это очень просто, и велят при себе прибавить что-нибудь — цветочков или ленточек, чтобы было понаряднее. А понаряднее значит у нас поразноцветнее. Нелишним считаю сказать, что некоторые дамы имеют к иным цветам особую привязанность, одна любит три цвета, другая четыре; и что бы они ни надели, все любимые цвета непременно присутствуют на их костюме.

Барышни относительно цветов разделяются на две половины: одни любят голубой цвет, а другие розовый. Молодые люди также не совсем равнодушны к голубому цвету, и на редком вы не встретите что-нибудь голубенькое. Причины этому, я полагаю, следующие: первая, голубой цвет — цвет небесный, а душа в невинном состоянии находится с лазурью небесною в дружественном отношении; вторая, голубой цвет значит верность. Впрочем, я это только полагаю, а наверно сказать не смею. Так вот-с, начинаются поздние обедни — там вы увидите и франта, одетого к лицу, и купчиху *mille colorum*. Обедни продолжаются часу до двенадцатого. Потом все идут обедать: к этому времени чиновники и купцы возвращаются из города. С первого часа по четвертый улицы пустеют и тишина водворяется; в это время все обедают и потом отдыхают до вечереи, то есть до четырех часов. В четыре часа по всему Замоскворечью слышен ропот самоваров; Замоскворечье просыпается и потягивается. Если это летом, то в домах открываются все окна для прохлады, у открытого окна вокруг кипящего самовара составляются семейные картины. Идя по улице в этот час дня, вы можете любоваться этими картинами направо и налево. Вот направо, у широко распахнутого окна, купец с окладистой бородой, в красной рубашке для легкости, с невозмутимым хладнокровием уничтожает кипящую влагу, изредка поглаживая свой корпус в разных направлениях: это значит по душе пошло, то есть по всем жилкам. А вот налево чиновник, полузакрытый еранием, в татарском халате, с трубкой Жукова табаку — то хлебнет чаю, то затянется и пустит дым колечками. Потом и чай убирают, а пившие оные остаются у окон прохладиться

Б.М. Кустодиев
КУПЧИХА С ЗЕРКАЛОМ. 1920

Неизвестный художник
▶ ГУЛЯНИЕ В СОКОЛЬНИКАХ

и подышать свежим воздухом. Чиновник за еранию берет гитару и запекает: «Кто мог любить так страстно», а купец в красной рубашке берет в руки камень либо гирию фунтов двенадцати. Что вы испугались? Как же не испугаться: да зачем же у него камень-то в руках, — ведь это шутки плохие. Нет, ничего, не беспокойтесь! Он гражданин мирный. Вот посмотрите: подле него, на окне, в холстинном мешочке, фунтов восемь орехов. Он их пощелкивает, то по одному, то вдруг по два да по три, — пощелкивает себе, да и знать никого не хочет. Нет, вы, пожалуйста, не беспокойтесь. После вечерен люди богатые (то есть имеющие своих лошадей) едут на гулянье в Парк или

Сокольники, а не имеющие своих лошадей целыми семействами отправляются куда-нибудь пешком; прежде ходили в Нескучное, а теперь на Даниловское кладбище. А если праздник зимой, так проводят время в семействе. Общества совершенно нет, в театр не ездят. Разве только на Святках да на Масленице, и тогда берут ложу и приглашают с собой всех родных и знакомых. Смотреть ездят «Русалку», «Пилюли», «Аскольдову могилу» и прочее. Вот что еще замечательно, что водевиль, дающийся после пьесы, считается продолжением ее. Ложатся спать в девятом часу, и в девять часов все Замоскворечье спит. По улице нет никого, кроме собак. Извозчика и не ищите.

ВЕСЕННИЙ ХЛЕБ

Василий Никифоров-Волгин

В день Иоанна Богослова Вешнего старики Митрофан и Лукерья Таракановы готовились к совершению деревенского обычая — выхода на перекресток дорог с обетным пшеничным хлебом для раздачи его бедным путникам.

Соблюдалось это в знак веры, что Господь воззрит на эту благодетельную и пошлет добрый урожай. До революции обетный хлеб выпекался из муки, собранной по горсти с каждого двора, и в выносе его на дорогу участвовала вся деревня. Шли тихим хождением, в новых нарядах, с шепотной молит-

вой о ниспослании урожая. Хлеб нес самый старейший и сановитый насельник деревни.

Теперь этого нет. Жизнь пошла по-новому. Дедовых обычаев держатся лишь старики Таракановы. Только от них еще услышат, что от Рождества до Крещения ходит Господь по земле и награждает здоровьем и счастьем, кто чтит Его праздники; в Васильев день выливается из ложки кисель на снег с приговором: «Мороз, мороз! Поешь нашего киселя, не морозь нашего овса». В Крещенский сочельник собирается в поле снег и бросается в колодец, чтобы сделать его многоводным; в Прощеное воскресенье «окликают звезду», чтобы дано было плодородие овцам; в Чистый понедельник выпаривают и выжигают посуду, чтобы ни згинки не было скоромного; в Благовещенье Бог благословляет все растения, а в Светлый день Воскресения Юрий — Божий посол — идет к Богу за ключами, отмыкает ими землю и пускает росу «на Белую Русь и на весь свет».

На потеху молодежи старики Таракановы говорят старинными, давным-давно умершими словами. У них: колесная мазь — коляница, кони — комони, имущество — собина, млечный путь — девьи зори, приглашение — повещанки или позыватки, запевало — починальник, погреб — медуша, шуметь на сходе — вечать, переулки — зазоры.

Речь свою старик украшает пословицами и любит похвалиться ими; так, бывало, и сеет старинными зернистыми самоцветами.

Соседу, у которого дочь на выданье, скажет:
— Заневестилась дочь, так росписи готовь!

Про себя со старухой говорит:

— Только и родни, что лапти одни!

Соседского сына за что-то из деревни выслали, и старик утешал неутешную мать:

— Дальше солнца не сошлют, хуже человека не сделают, подумаешь — горе, а раздумаешь — воля Божья!

В.Ф. Стожаров
ХЛЕБ, СОЛЬ, БРАТИНА
1964

Г.К. Бакмансон
ПОРТРЕТ СТАРИКА
1890

Бойким веселым девушкам тихо грозит корявым пальцем:

— Смиренья — девушки ожерелье.

Баба жаловалась Митрофану на нищее житье свое, а он наставлял ее:

— Бедная придет, Бог ей нитки дает!..

Лукерья, маленькая старушка с твердыми староверскими глазами, старую песню любила пестовать. Послушает она теперешние вроде «О, эти черные глаза» и горестью затуманится.

— В наше время лучше пели, — скажет со вздохом и для примера запоет причетным голосом:

*Ах ты, матушка Волга-реченька,
Дорога ты нам нуще прежнего,
Одарила ты сиротинушек
Дорогой парчой, алым бархатом,
Золотой казной, жемчугами-камями...
И в долгу-то мы перед матушкой,
И в долгу большом перед родненькой.*

К выносу на дорогу «обетного хлеба» Митрофан и Лукерья готовились с тугою душевной. Вчера Лукерья собирала по всей деревне муку для «обычая», но никто ничего не дал, только на смех подняли.

Рано утром в избе Тараканова запахло горячим хлебом. Пока он доходил в печи, Митрофан стоял перед иконами и молился.

В полдень стали готовиться к выносу. Хлеб задался румяным и наливным. Старуха перекинула его с руки на руку и сказала:

— Хышь на царскую трапезу!

Старик постучал по загаристой корке и высловил:

— Сущий боярин!

Хлеб положили на деревянное блюдо, перекрестили его и покрыли суровым полотенцем. Старик принял его на обе руки. Лукерья открыла дверь и сказала вслед:

— Как по занебесью звездам несть числа, дак бы и хлебушка столько добрым людям...

Митрофан пошел по деревенской улице. Он был без шапки, с приглаженными волосами, с расчесанной на две стороны бородою, в длинной холщовой рубахе. Концы полотенца с вышитой занिзью свисали до земли, как дьяконский орарь.

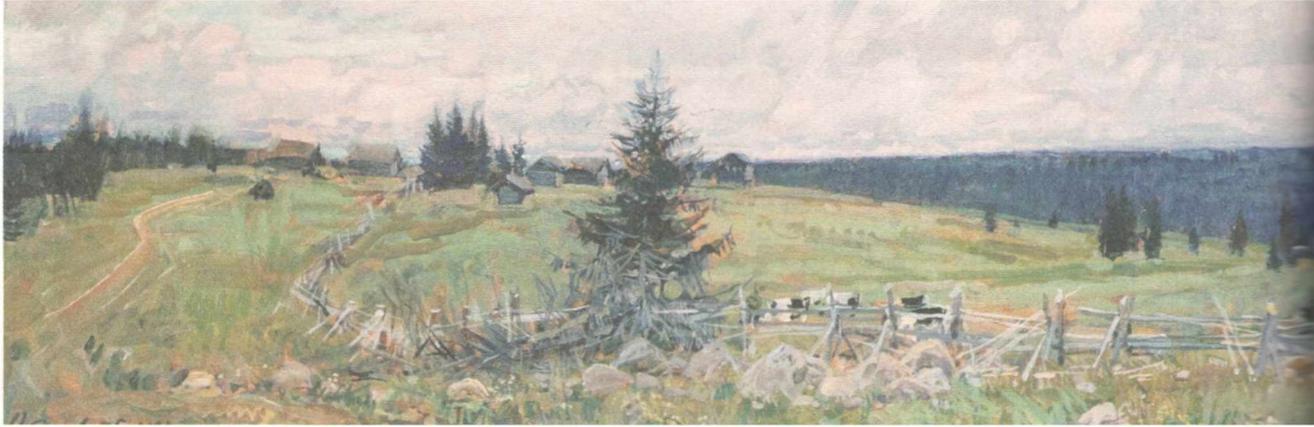
Парни и девки, стоявшие у раскрытых окон народного дома и слушавшие радио, увидев Митрофана, засмеялись. Подвыпивший парень в манишке и сползающих манжетах махнул старику бутылкой водки и надсадно хамкнул:

— Гони сюда закуску!

Старик остановился и степенно ответил:

— Не смейтесь, ребята! Хлеб Господень несу!

Митрофан дошел до перекрестка и остановился. Дороги были тихими, прогретыми майским солнцем. Веселой побейкой гулял ветер, взметывающая золотистую пыль.

От запаха ли пыли, пахнувшей по весне ржаными колосьями, или от зеленой зыби раскинувшегося ржаного поля Митрофан стал думать о хлебе: «Даст ли Господь урожай?»

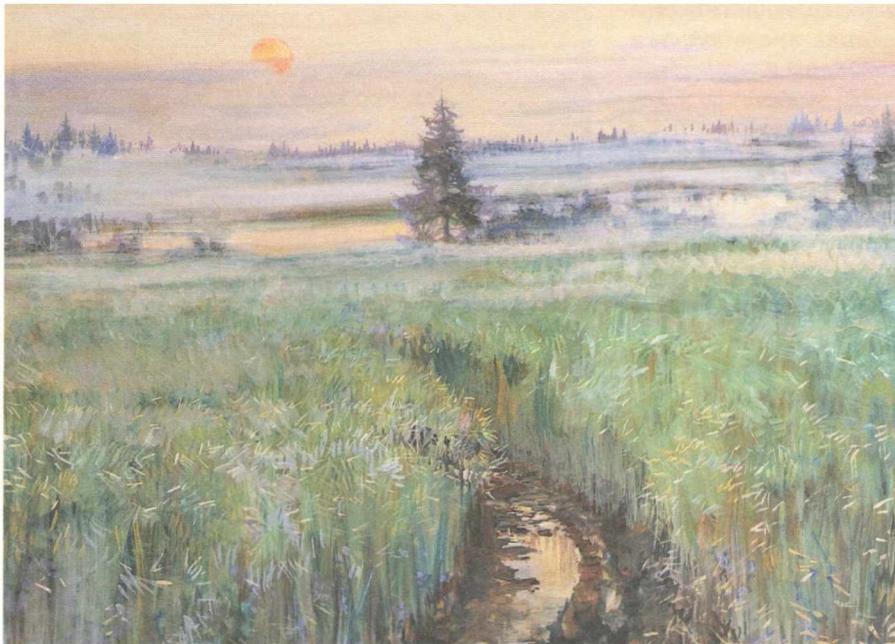
Вспомнились прежние градобития, неумные дожди, иссушающие знои, и во рту становилось горько, а хлеб на руках потяжелел. Солнце играло с ветром. Митрофан залюбовался их игрою и сразу же осветился.

— Ничего, — сказал нараспев, — Микола-угодник умолит, вызволит мужика из беды... Он, Ми-

кола-то, по межам ходит, хлеб родит, да и к тому же в Крещение снег шел хлопьями, а это всегда к урожаю...

На автомобиле проехали городские люди. С широким удивлением посмотрели на бородастого высохшего старика, стоявшего у дорожного вскрая: откуда это древнее видение? Кого он поджидает с хлебом-солью среди пустых полей?

Мимо старика проехал велосипедист в кожаной куртке и таких же штанах. Он остановился и спросил:

М.Г. Абакумов
УТРЕННИЕ РОСЫ. 2004

**День святого апостола
Иоанна Богослова
(в народе — Иоанн
Вешний) празднуется
21 мая (8 мая).**

М.Г. Абакумов
ВОЛОГОДЧИНА

▶ Солонка и ложка
XIX век

▼ Икона
ИОАНН БОГОСЛОВ

— Ты, старина, зачем тут стоишь?
— Бедных зашельцев поджидаю...
— А это для чего?
— Хлебушком хочу с ними побрататься...
Обычай такой у нас... старинный... штобы это
Господь за нашу милость урожай хороший по-
слал...

Велосипедист покачал головой.

Время уходило за полдень, а из нищей братии никто не показывался. Это начинало тревожить Митрофана.

— Плохой знак... недобрый... Не посылает Господь ни одного доброго человека... Вот что значит одному-то выходить с хлебом!.. Пошли бы, как встарь, всей деревней, Господь-то и услышал бы...

От усталости Митрофан присел на природный камень и задумался. Думы были тяжелые. Чтобы не так больно было от них, он старался дольше и глубже смотреть на поля. Несколько раз повторил:

— Своя земля и в горсти мила!

В думах своих не заметил, как мимо прошел человек в рваной «чернизине» и босой. Митрофан прытко поднялся с камня и крикнул вслед:

— Эй! Поштенный! Остановись!

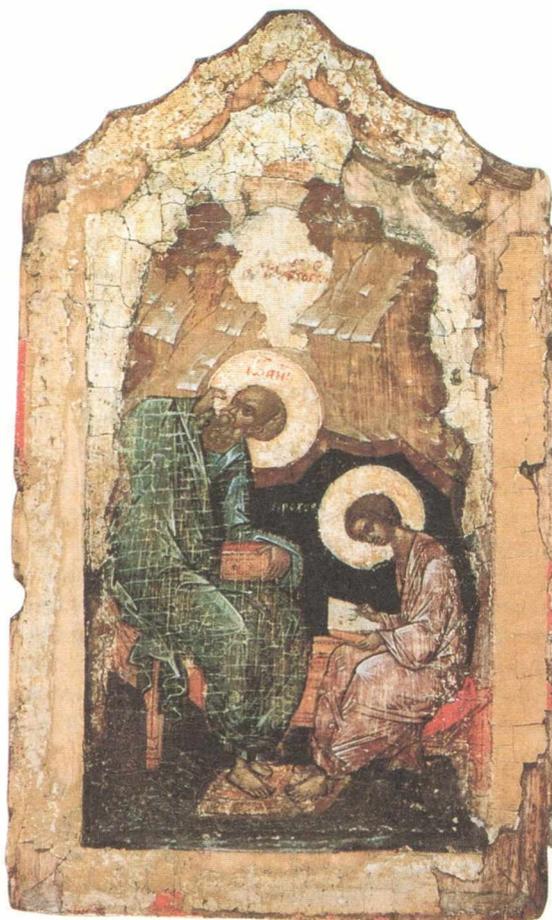
— Чево? — повернулся прохожий.

— Вы из нищих? — радостно спросил старик, приближаясь к нему с хлебом.

Прохожий плюнул и выругался.

Подойдя поближе, старик признал в нем скупого лавочника из Верхнего села.

Почти до вечера простоял Митрофан на перекрестке и никого из нищей братии не дождался.

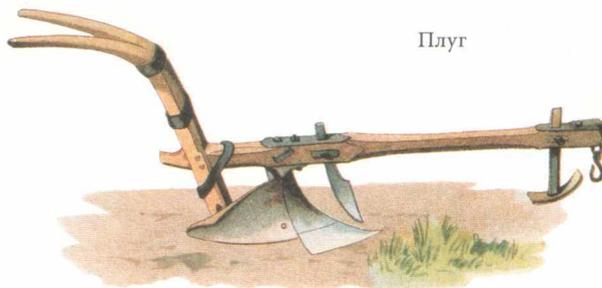
Запашка

Александр Терещенко. Отрывки из книги «Быт русского народа»

При посеве хлеба и начале жатвы поселяне соблюдают особые свои обряды. Не начинают ни сеять, ни косить, ни жать, не помолившись сначала Богу и не спросив у Него благословения на свой труд. Земледелец обращается в ту сторону, в коей, по его приметам, благоприятны предзнаменования: чистое небо и тихий ветерок. Набожно он кланяется на все четыре стороны. Потом, постояв несколько времени на своей полосе, он осматривается вокруг себя, поднимает глаза на небо и замечает на нем движение облаков; наблюдает полет и крик птиц, следит за первой поступью лошади и быка, когда впрягает под плуг, и потом, перекрестясь, говорит: «Благослови, Господи Иисусе Христе! И помилуй нас». Сколько предчувствий волнуют в то время его душу! Предзнаменования устрашают его, он не верит и в самые счастливые приметы, которые часто обманывали его. Он берет плуг, закидывает его на свою ниву и со словами: «Помоги, Боже!» — начинает пахать.

Помочи

Издавна существует обычай помогать друг другу во вспахивании поля, и это называется, помочи, — от слова помочь, пособить. Это обыкновение есть общее между крестьянами и помещиками. Каждый житель деревни, имея большие поля и не успевая убрать их, извещает околотов о подании ему помочи. Это делается в праздничный день. Нива покрывается поселянами; труд их облегчается песнями, и в один день оканчивают то, что хозяину пришлось бы сделать в месяц. В продол-

Плуг

жение помочей хозяин угощает обедом и несколькими ведрами пива; потом, с наступлением вечера, все тянутся гужом в дом хозяина, который благодарит их ужином. Тут выпивают прощальный ковш пива домашнего и расходятся по избам весело.

Опашка

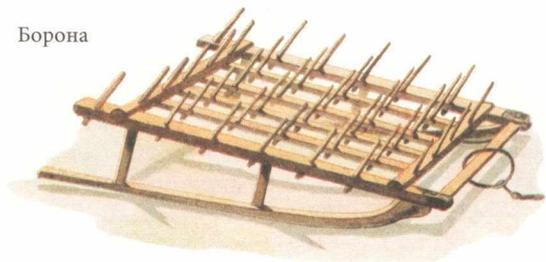
Не везде вспахивание полей известно под одним именем запашки. Местами она называется опашкою. Недостаточные хлебопашцы вспахивают поля по очереди: одному мужику помогают другие на одной неделе, а тот им в свое время, так что у трудолюбивых мужиков полевые работы идут рука об руку. В деревне варят тогда брагу и пиво и по окончании работ угощают взаимно. При засеивании ярового хлеба женщины готовят яичницу и пирушку; по обычаю они пируют сами. В праздничный день сходятся поселяне в церковь отслушать благодарственный молебен; другие приносят в церковь на освящение часть баранины или что-нибудь из птицы, особенно черного петуха и хле-

А.А. Рылов
ПАШНЯ. 1906

бы. После молебна берут с собою мясное, оставив хлебы священнику; варят и жарят и приглашают на общий пир священника, своих родственников и всех своих соседей, чтобы отпраздновать опашку или запашку. Не повсюду в употреблении эти празднования; часто совершают запашку без угощений.

Борона

Детские народные стишки

Пора пашню пахать,
Пора боронить,
Пора горох сеять,
Пора горох снимать,
Пора и молотить,
Пора горох молоть,
Пора муку сеять,
Пора квашню творить,
Пора тесто месить,
Пора пирог печи,
Пора пирог сажать,
Пора и вынимать,
Пора пирог делить,
Лизаньке пирог,
С Васенькой пирог.

Я на стульце сижу,
Уж я кольшики тешу,
Огородец горожу,
Хрен-капусту сажу,
Сажу беленькую,
Всю качанистую.
У кого нету капусты,
Приходите в огород
Хрен-капусту полоть.
Мои грядки не топтать,
Качаники не ломать.

Евдокия и Дмитрий Донской

Дни памяти преподобной княгини Евдокии — 30 мая и 20 июля (17 мая и 7 июля),
святого благоверного князя Дмитрия Донского — 1 июня (19 мая)

Дочь суздальского князя Дмитрия Константиновича Евдокия была обвенчана с московским князем Дмитрием Ивановичем в 1367 году. Супружескую жизнь великокняжеской четы окармливали духоносные старцы: святитель Алексий, митрополит Московский, преподобный Сергей Радонежский, который крестил самого Дмитрия и двух его детей, в том числе и первенца Василия. У великокняжеской четы родилось восемь сыновей и четыре дочери.

Это был брак поистине благословенный. В Слове о житии князя Дмитрия говорится:

«Еще и мудрый сказал, что любящего душа в теле любимого. И я не стыжусь говорить, что двое таких, нося в двух телах единую душу, и одна у обоих добродетельная жизнь, на будущую славу взирают, возводя очи к небу. Так же и Дмитрий имел жену, и жили они в целомудрии. Как и железо в огне раскаляется и водой закаляется, чтобы было острым, так и они огнем Божественного Духа распаялись и слезами покаяния очищались».

Колокольным звоном и всеобщим ликованием встретили москвичи юных Дмитрия и Евдокию, весь народ смотрел на княжескую чету, надеясь, что они подарят долгожданный мир многострадальному Отечеству. Евдокия во всем старалась подражать своему доброму супругу, во всем помогала своим подданным, которые всегда тянулись к ней.

Недолго длилось мирное счастье супругов. Приближалось время испытаний. Страшная беда обрушилась на Москву. Не виданный ранее пожар за несколько часов спалил весь город, превратив его в пепелище. Море огня бушевало на московских улицах, горели дома, имущество, скот, в страшном пламени погибали люди. Множество людей остались без крова. По дымящимся улицам ходили погорельцы. Стон и плач наполнили город. Не могли остаться равнодушными к народному горю Дмитрий и Евдокия. Они выделили деньги из великокняжеской казны всем пострадавшим. Евдокия как могла утешала, ободряла, помогала обездоленным людям.

Еще не успели возвести все дома, как новое бедствие постигло Москву: с южных границ России пришла в город моровая язва. Перед лицом ужасной беды все были равны: молодые и старые, богачи и нищие. И снова стон и рыдания наполнили улицы, гибли люди. И вновь хрупкие плечи княгини стали крепкой опорой обездоленных. Многих умерших от болезни она сама хоронила на свои деньги. И постоянно молилась за весь свой

народ, просила у Бога помощи. И моровая язва отступила. Однако вскоре новое бедствие постигло Русь, в особенности Московское княжество. Князь Михаил Тверской, объединившись с литовским государем Ольгердом, решил уничтожить Москву. Несмотря на внезапное нападение,

